

Тернистый путь в академики Л. В. Черепнина

Гилевич Никита Дмитриевич

инженер-исследователь лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях,
Уральский федеральный университет. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0005-4716-9553.
ResearcherID: ACN-4066-2022. E-mail: gilevich.nikita@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика выборов в Академию наук СССР с антропологической стороны, то есть с точки зрения влияния на процесс избрания или неизбрания всех значимых факторов для одного конкретного кандидата. Л. В. Черепнин станет академиком в 1972 г., пережив перед этим с 1958 по 1966 гг. пять неудачных попыток избрания. Анализ истории данных баллотировок позволит рассмотреть на довольно широком промежутке времени, какие факторы оказывали влияние на процесс выборов. Особую актуальность данное исследование имеет в связи с 300-летием Российской академии наук, так как дополнительно раскрывает вопрос о пополнении ее состава новыми членами. Предпочтение рассмотрению фигуры Л. В. Черепнина отдано также в связи с хорошей обеспеченностью источниками как делопроизводственными, созданными в процессе выборов в структуре Академии наук СССР, так и личного происхождения, отразившими неформальную сторону выборов. Эти источники позволяют сделать выводы о том, что на положительный исход выборов помимо величины научных заслуг играли роль степень поддержки кандидата в направляющей организации, принадлежность к тому или иному научному сообществу и их противостояние друг другу, личные взаимоотношения между учеными. Особо стоит отметить противостояние научного сообщества порядку, когда выдвижение происходило на основе идеологической и политической актуальности исследований кандидата или же по административным соображениям, в качестве альтернативы чему выдвигался Черепнин, обладавший большим числом научных трудов.

Ключевые слова: Л. В. Черепнин, советская историческая наука, Академия наук СССР, академические выборы.

Избрание в члены Академии наук СССР было одним из высших признаний научных заслуг для советского ученого. Однако говорить о том, что результат голосования всегда зависел исключительно от величины научного вклада, не приходится. Чтобы понять, почему тот или иной человек стал членом-корреспондентом или академиком, необходимо учитывать личные симпатии или антипатии отдельных ученых, борьбу научных школ и сообществ, указания партийных структур и административные соображения. Кроме того, следует помнить, что в естественных и технических науках до некоторой степени определить величину научного вклада проще. В общественных и гуманитарных науках, особенно при их политизации и идеологизации, это было сделать гораздо сложнее. Соответственно, в этих науках влияние не чисто научных факторов, стоит предположить, при распределении почетных званий можно было встретить чаще.

Наиболее изучены выборы в АН СССР 1929 г. [3], последующие же выборы изучены достаточно слабо. О. П. Белозеров дает обзор архивных материалов двух неудачных попыток избрания в состав АН биолога М. М. Завадовского [17]. В. В. Тихонов в статье 2016 г. анализирует академические выборы 1953 г. в Отделении исторических наук с точки зрения процессов десталинизации, а также приводит, с одной стороны, примеры влияния партийных структур, фактически гарантировавших прохождение А. М. Панкратовой и П. Н. Поспелова, и с другой стороны, противостояние избранию выдвинутому по административным соображениям А. Л. Сидорову из-за его неоднозначной репутации в исторической науке и личного конфликта с И. И. Минцем [28, с. 109–110]. В. В. Птушенко в свою очередь также рассматривает проблему «неизбрания» одобренного партийными структурами кандидата С. П. Трапезникова уже на общем собрании АН в 1966 г. [26].

В данной статье предлагается рассмотреть проблематику выборов в АН СССР с антропологической стороны, то есть с точки зрения влияния на процесс избрания или неизбрания

для одного конкретного кандидата таких факторов, как научные достижения, политическая актуальность, личные связи, научная репутация, административные соображения. Здесь видится исследовательски перспективно рассмотреть фигуру Л. В. Черепнина. Он станет академиком в 1972 г., но перед этим переживет пять неудачных попыток избрания. Рассмотрение истории данных баллотировок Черепнина позволит изучить противостояние различных сил в рамках АН на довольно широком промежутке времени.

Также предпочтение отдано фигуре Л. В. Черепнина в связи с хорошим обеспечением источниками по данному вопросу. Во-первых, сохранилась многочисленная делопроизводственная документация, связанная с подготовкой академических выборов: стенограммы обсуждения выдвижения кандидатов и протоколы голосования по ним на Ученом совете в Институте истории АН СССР, стенограммы обсуждения и протоколы голосования по кандидатам в рамках Отделения исторических наук [4–15]. Важна также и неформальная сторона выборов, которая редко находит отражение в делопроизводственных источниках. Чтобы ее изучить, нужны источники личного происхождения, и здесь фигура Черепнина весьма удачна, так как сохранились и письма, и дневники, и мемуары, где приводились личные мнения и оценки ситуации от Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, И. И. Минца, С. С. Дмитриева, Л. Н. Пушкарева и самого Л. В. Черепнина [1; 18; 20–25; 27; 30]. Благодаря этим источникам возможно рассмотреть обстоятельства и «внутреннюю кухню» некоторых из попыток избрания Л. В. Черепнина в АН СССР. Всего кандидатура Черепнина четыре раза выдвигалась для избрания в члены-корреспонденты (в 1958, 1960, 1962, 1964 гг.) и два раза в академики (1966 и 1972 гг.).

Согласно уставу Академии наук СССР 1959 г. не позднее чем за два месяца до проведения выборов в центральной печати (как правило, это были «Известия») публиковалась информация о проведении выборов и число вакансий, на замещение которых научные организации должны были выдвинуть кандидатов с соответствующей мотивировкой [29, с. 153].

После того, как те или иные учреждения выставили своих кандидатов и сообщили о них в Академию, работала экспертная комиссия в составе академиков, действовавшая по назначению Президиума Академии наук. Комиссия проверяла данные, относящиеся к выдвинутым кандидатам, и составляла рекомендательный список для выбора в академики или члены-корреспонденты. Таким образом, первый фильтр, который должен был преодолеть кандидат, это голосование в рамках направляющей организации.

По просьбе Президиума АН СССР, который указал, что с 1953 г. не проводились выборы, 25 января 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о проведении выборов, в рамках которых были объявлены в том числе три вакансии членов-корреспондентов по специальности «История СССР и археология», а также постановил «разрешить Академии наук СССР проводить ежегодно, начиная с 1959 г., выборы академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР в пределах имеющихся вакансий по специальностям, утверждаемым Президиумом Академии наук СССР» [2, с. 876].

В 1958 г. кандидатура Л. В. Черепнина в члены-корреспонденты АН СССР была выдвинута на Ученом совете исторического факультета МГУ, но по свидетельству С. С. Дмитриева не прошла этап тайного голосования [18, с. 1026]. Эта неудача была довольно неожиданной, и академик В. П. Волгин на Ученом совете (УС) Института истории АН СССР заявлял: «Меня успокоили, что Черепнин где-то, кажется, прошел в другом месте», – и предложил голосовать не о выдвижении, а лишь о поддержке выдвижения, пока до него не довели сведения о «непроходе» Черепнина в МГУ [11, л. 44]. Выдвижение кандидатуры Черепнина на УС было поддержано письмом Н. М. Дружинина (текст которого, к сожалению, неизвестен, из стенограммы же понятен лишь общий посыл) и речью В. Т. Пашуто от имени сектора «истории СССР эпохи феодализма». При выдвижении указывалось, что Черепнин являлся автором более 130 научных работ по проблемам истории СССР, среди которых Пашуто особо выделил «Русские феодальные архивы», «Русскую историографию до XIX в.», «Русскую палеографию», «Хронологию», «Духовные и договорные грамоты», редакторскую работу над учебником для вузов «История СССР» и «Очерками истории СССР», а также была обозначена готовность на тот момент еще неопубликованной монографии «Образование русского централизованного государства» [11, л. 54–55]. Черепнин получил 26 голосов за выдвижение и 3 голоса против. Такой результат свидетельствовал о высоком уровне поддержки Черепнина в Институте истории. Для сравнения: выдвигаемые одновременно с Черепниным в члены-корреспонденты М. П. Ким получил «за» 22 голоса и «против» 9, а В. К. Яцунский – «за» 16 и «против» 14, В. И. Шунков – «за» 11 и «против» 17 [11, л. 68].

Итак, голосование в ученом совете учреждения не было простой формальностью, не устраивающего по той или иной причине кандидата могли при голосовании провалить. В слу-

чае с непрохождением Черепнина в МГУ, то тут большую роль сыграл конфликт с М. Н. Тихомировым, профессором и заведующим кафедрой в МГУ, бывший к тому же некоторое время деканом исторического факультета. Истоки данного конфликта традиционно видят в написании Черепниным в 1949 г. разгромной рецензии на учебник, одним из авторов которого был Тихомиров, а вторым С. С. Дмитриев, также принимавший участие в Совете [19]. Как отмечал А. А. Зимин, после публикации рецензии Тихомиров «сделался на всю жизнь его злейшим врагом» [20, с. 173]. Кроме того, провалу на Ученом совете исторического факультета МГУ способствовало и то, что согласно Зимину, он так и не стал там «своим»: «Чужаком Льва считали и университетские лбы типа Епифанова и Белявского, которым куда ближе был кондовый Миха[и]л Никола[е]в[ич]» [20, с. 174].

Тем не менее не стоит преувеличивать роль неудачи на данном этапе, так как у кандидатов была возможность получить рекомендацию от другого учреждения: Черепнин в итоге был выдвинут УС Института истории АН СССР, а провалившегося там В. И. Шункова в 1960 г. выдвинет в члены-корреспонденты Ученый совет Института этнографии АН СССР.

Затем наступила очередь второго этапа: рассмотрение списков кандидатов экспертной комиссией Отделения исторических наук. Согласно М. Н. Тихомирову, бывшему академиком-секретарем Отделения в 1953–1957 гг., «в некотором отношении экспертная комиссия как бы предвляла исход выборов, но далеко не всегда и не при всех условиях» [1, с. 235]. В 1958 г. экспертная комиссия в составе В. П. Волгина (реально отсутствовал), И. И. Минца, Е. А. Косминского, И. А. Орбели и М. Н. Тихомирова из 38 кандидатов в члены-корреспонденты по специальности «История СССР» отобрала троих: «Пономарева Бориса Николаевича, Третьякова Петра Николаевича, Гафурова Бободжана Гафуровича» [7, л. 56]. Все три кандидата обладали большим административным весом: Пономарев был заведующим Международным отделом ЦК КПСС, Третьяков – директором Института славяноведения АН СССР, а Гафуров – директором Института востоковедения АН СССР. В то же время научные заслуги Б. Г. Гафурова и Б. Н. Пономарева, которые были больше известны как партийные функционеры, были не столь очевидны. Тем не менее они были предпочтены Черепнину. Вполне возможно, помимо административных соображений невыдвижению Черепнина экспертной комиссией способствовала неприязнь со стороны М. Н. Тихомирова.

После оглашения рекомендаций экспертной комиссии следовало обсуждение всех выдвинутых кандидатов в рамках Отделения истории АН СССР. В поддержку кандидатуры Черепнина выступил академик Н. М. Дружинин, вкратце повторив тот же набор достижений, что озвучивался на УС Института истории АН СССР, и добавив про его роль как организатора [7, л. 103]. Однако на голосование академиков это выступление не повлияло, так что за Черепнина, похоже, проголосовал только Дружинин, и он получил лишь один из 12 голосов [7, л. 3].

Во время выборов 1960 г., когда по специальности «История СССР», была выделена одна вакансия члена-корреспондента, Черепнин выдвигается на УС Института истории АН СССР, на заседании которого 5 мая 1960 г. В. Т. Пашуто добавил к прежним аргументам «блестящее представление советской исторической науки за рубежом», его роль как организатора и основателя научной школы. Помимо Черепнина, набравшего 21 голос «за», УС направил заявки также на имя М. П. Кима (19 голосов «за») и В. К. Яцунского (15 голосов «за») [12, л. 23].

Экспертная комиссия Отделения в свою очередь поставила на первое место М. П. Кима, на второе В. И. Шункова и на третье Л. В. Черепнина [8, л. 2]. Попадание М. П. Кима на первое место можно объяснить негласной установкой от Отдела науки ЦК КПСС на увеличение представленности в АН историков, занимающихся советским периодом. В. И. Шунков был выдвинут, вероятно, из-за занимаемой им должности заместителя академика-секретаря Отделения. Попадание Черепнина в список рекомендованных может быть объяснено не только его заслугами, но и наличием в составе комиссии Н. М. Дружинина. Стоит отметить, что выдвижение кандидатуры Черепнина на обсуждении формально поддержал и Б. А. Рыбаков [8, л. 15]. Этот факт хорошо соотносится с характеристикой, данной ему Черепниным. Согласно ей Рыбаков против него «предпочитал играть взакрытую», используя обвинения о якобы имевшем место плагиате со стороны Черепнина: «Очень на этом (слухах о плагиате. – Н. Г.) играл (недобросовестно и недостойно играл) Борис Александрович Рыбаков – плохой и нечестный человек, который каждый раз, как происходили академические выборы и выдвигалась моя кандидатура, начинал кампанию против меня, указывая на присвоение мною чужого труда (так мне рассказывали, ибо Рыбаков предпочитал играть взакрытую)» [30, с. 163].

Всего в рамках Отделения могло проходить до трех туров голосования по вакансиям, при этом для прохождения в следующий тур нужно было получить более половины голосов

присутствующих на собрании, а для избрания в рамках Отделения, которое затем должно было быть утверждено Общим собранием АН СССР, необходимо было набрать не менее 2/3 от общего числа действительных членов Отделения истории АН (10 голосов). Черепнин был отсеян уже по результатам первого тура 7 июня 1960 г., получив лишь 3 голоса. Первое место занял М. П. Ким, набрав 9 [8, л. 24]. Таким образом, для избрания в первом туре ему не хватило одного голоса. В итоге он был избран 10 июня 1960 г. во время третьего тура.

На УС Института истории АН СССР 17 мая 1962 г. кандидатура Черепнина была выдвинута путем письменного обращения к совету академика Н. В. Нечкиной: «Выдвигаю кандидатуру Л. В. Черепнина к избранию в члены корреспонденты АН СССР по специальности “История СССР”. Лев Владимирович известный и всеми уважаемый ученый имеет многочисленные исследовательские труды по истории нашей Родины, обогатившие советскую марксистскую науку. Известны его выдающиеся качества. Он является редактором весьма ценных в научном отношении богатейших очерков истории феодализма. Он полон сил, энергии и поражает своей выдающейся трудоспособностью. Он постоянный и активный участник всех наших коллективных трудов, беря на себя и успешно разрешая сложные задачи. Могу засвидетельствовать это и на активном участии Льва Владимировича в работах группы по истории исторической науки. Академик Сказкин уполномочил меня присоединить его подпись к настоящему выдвижению» [13, л. 14–15]. После прочтения данного письма Черепнин был единогласно выдвинут открытым голосованием [15, л. 17]. Вслед за этим также единогласно проголосовали за кандидатуру Д. М. Кукина [13, л. 23], чье выдвижение поддерживалось партийными структурами, вероятно, в связи с его работой в ЦК КПСС и планируемым назначением на пост заместителя директора Института марксизма-ленинизма.

Что до голосования в экспертной комиссии и в Отделении, то сохранилось письмо Н. М. Дружинина к В. К. Яцунскому от 29 июля 1962 г., где подробно описывались все перипетии: «В Экспертной комиссии и на выборах Нечкина и я выдвигали Черепнина, но встретили сильное противодействие со стороны Тихомирова, который лично ненавидит Черепнина. Когда Кукин после совещания у президента снял свою кандидатуру “ввиду отсутствия единодушия”, двумя первыми кандидатурами были объявлены Черепнин и Шунков. Перед обсуждением кандидатур на избирательном собрании Отделения Поспелов объявил, что партийная группа предлагает Шункова. Партийцы, связанные предварительным решением, + Тихомиров составили нужное большинство (8 против 3 беспартийных – Нечкиной, Сказкина и меня); голосование, в сущности, оказалось проформой: мы оказались в меньшинстве. Думаю, что избранию Шункова помогли не только усиленная агитация Тихомирова, Устюгова и др., но и административные соображения: через 6 месяцев Жуков должен уйти с поста академика-секретаря и хотел сохранить Шункова не только как заместителя для себя, но и для своего премника» [25, с. 233–234]. Дружинин утешал себя тем, что удалось отвести кандидатуру партийного выдвиженца Кукина и все же избрать, хотя и по административным соображениям, настоящего ученого Шункова, известного своими работами по истории Сибири. В ответном письме от 4 августа В. К. Яцунский поддержал и развил данную мысль: «Шунков не Кукин, конечно. И хотя Черепнин не *chevalier sans peur et sans reproche* (рыцарь без страха и упрека. – Н. Г.), но даже как человек он, вероятно, не хуже своего “победителя”. А в научном отношении его превосходство, несмотря на заслугу Шункова в изучении Сибири, вряд ли может вызвать сомнение. По уставу Академии, надо выбирать наиболее крупных ученых. Из академикопартийцев (а их большинство) только один Рыбаков может быть назван ученым, да и тот в свое время прошел не столько за научные заслуги, а больше за то, что они отвечали конъюнктуре момента. Ну и сейчас это большинство (характерно, что от его имени выступал человек, у которого никаких трудов нет) руководилось прежде всего “своими” вненаучными критериями. А нам приходится “радоваться”, что избрали все же ученого, что пополнение Отделения, которое нельзя назвать коллегией, где руководят ученые, произошло все же путем увеличения ученого меньшинства этой коллегии» [25, с. 235].

Вероятно, недовольство части научной среды складывающейся ситуацией привело к тому, что за продвижение кандидатуры Черепнина на следующих выборах 1964 г. взялись, кажется, с еще большим усердием. На УС Института истории АН СССР кандидатуру Черепнина лично выдвинули академики Н. М. Дружинин и М. В. Нечкина [14, л. 79–82], так что неудивительно, что Черепнин на УС вновь прошел единогласно [14, л. 91]. Однако на самих выборах вновь последовала неудача: новым членом-корреспондентом стал директор издательства

«Наука» и специалист по истории Великой Отечественной войны А. М. Самсонов. Последний, стоит отметить, также был выдвинут УС Института истории АН СССР, получив 19 голосов «за» при одном воздержавшемся [14, л. 92]. В. К. Яцунский в письме к Н. М. Дружинину от 6 июля 1964 г. выразил недоумение сложившейся ситуацией: «Черепнин кроме научных бесспорных заслуг не только член КПСС, но и статьи (о Лаппо-Данил[евском] и др.) для “доказательства своего идейного уровня” писал. Чем он не угодил...?» [25, с. 253].

Причины этого мы и попробуем понять. В обстоятельствах данных выборов помогает разобраться довольно обстоятельное письмо Н. М. Дружинина от 11 июля 1964 г. к В. К. Яцунскому. Из письма следует, что в экспертной комиссии академиком Е. М. Жуковым на совещании с президентом АН СССР М. В. Келдышем была выдвинута кандидатура А. В. Фадеева, специалиста по истории Кавказа XIX в. М. В. Нечкина и С. Д. Сказкин «отстаивали Черепнина, остальные молчали» [25, с. 254]. Как результат, появилась формулировка о «двух равноценных кандидатурах», и вместо одного человека от экспертной комиссии на избирательном собрании Отделения были выдвинуты две кандидатуры – Черепнин и Фадеев [25, с. 254]. Однако затем П. Н. Поспелов объявил, «что партийная группа рекомендует голосовать за Фадеева» [25, с. 254]. В качестве аргументов было заявлено о «научном достоинстве его работ, в частности, об оценке движения Шамиля», на что Дружинин и Нечкина «противопоставляли ему (Фадееву. – Н. Г.) как более глубокого и широко охватившего многие важные проблемы ученого – Черепнина» [25, с. 254]. Для отвода Черепнина требовалось подобрать более веские аргументы, и здесь были использованы порочащие репутацию Черепнина слухи о плагиате: «Гафуров, ссылаясь на записку Тихомирова, поднял вопрос о “нечистоплотности” Черепнина (имея в виду эпизод с “Русской метрологией”); мы и Арциховский решительно опровергли эту инсинуацию» [25, с. 254]. По результатам первого и второго тура голосования лидировал Черепнин. Правда, он не набрал нужных тогда для избрания 18 голосов. Фадеев на втором туре набрал меньше половины голосов и выбыл из числа кандидатов. Как зафиксировал Дружинин, после этого Е. М. Жуков «прервал заседание, чтобы партийная группа могла решить, кем заменить Фадеева, ею рекомендованного. Перерыв длился долго, очевидно, были споры. После перерыва Поспелов заявил, что партийная группа рекомендует Самсонова ввиду актуальности его тематики» [25, с. 254–255]. Дружинин в такой ситуации настроился, скорее, не на избрание Черепнина, а провал вакансии. Однако «большинство испугалось перспективы лишения вакансии и проголосовало 21 голосами против 5 за Самсонова» [6, л. 26; 25, с. 255]. В целом же Дружинина в данной ситуации больше волновала не неудача Черепнина, а то, что «этот “новый порядок” (давление на выборы со стороны партийной группы. – Н. Г.), превращающий выборы в фикцию, – не исключение, а декретированное правило» [25, с. 255]. М. В. Нечкина в свою очередь подала заявление вице-президенту АН СССР В. А. Кириллину о грубом давлении со стороны партгруппы на избирательную коллегию, в чем ее морально поддержал в письме от 2 июля 1964 г. Н. М. Дружинин. Последний, впрочем, считал, что говорить надо с руководящими партийцами, хотя и не брался судить, насколько отвод Черепнина зависел от более высокой инстанции [2, с. 469–470].

В 1966 г. М. В. Нечкина 10 мая подписала представление Черепнина на выборы сразу в академики [21, с. 475]. Это было связано с тем, что, как зафиксировал в дневнике И. И. Минц, «в целях омоложения Академии был установлен 55-летний предел для членов-корреспондентов, поэтому всех “переростков”, вполне достойных в член-корры, сразу выдвинули в академики, среди них Л. В. Черепнин» [23, с. 186]. Нечкина, согласно Е. Н. Городецкому, приложила большие усилия в организации этих выборов [22, с. 414]. Так, 12 мая она лично выступила на УС Института истории АН СССР для продвижения кандидатуры Черепнина [15, л. 11–14]. В итоге при тайном голосовании «за выдвижение кандидатом в академики Льва Владимировича Черепнина подано 22 голоса, против 7» [15, л. 65].

28 июня 1966 г. экспертная комиссия объявила, что «по “Истории СССР” выдвинуты шесть человек в действительные члены Академии Наук. Из них экспертная комиссия считала наиболее ценными: А. В. Арциховского, Б. Г. Гафурова, Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина, С. А. Токарева, В. И. Шункова» [10, л. 145]. К сожалению, из имеющихся документов непонятно, почему при наличии всего одной вакансии академика экспертная комиссия рекомендовала сразу шесть человек.

По результатам первого тура голосования в Отделении истории АН СССР 28 июня 1966 г. Мавродин (ноль голосов), Токарев (один голос), Шунков (два голоса) были отсеяны. Черепнин получил шесть голосов, обогнав на один голос оставшихся кандидатов. В связи с этим обнадеживающим результатом Е. И. Дружинина в письме, написанном, скорее всего, 28 июня 1966 г., выра-

зила поддержку Л. В. Черепнину: «Не жалеете, что вы баллотировались и, пожалуйста, не зарекайтесь на будущее! Для науки и для престижа Академии будет очень плохо, если ученые откроют “зеленую улицу” кандидатам, выдвинутым по должностному принципу или по мотивам приятельских отношений. Один сотрудник хорошо сказал: “Л. В. заслони́л своим телом корпорацию академиков от проникновения в нее таких лиц, кому не следует”. Это, конечно, жертва с Вашей стороны, и мы все Вам очень благодарны. А для Вас, – мы в этом уверены, – мнение сотен друзей дороже, чем отношение четырех лиц, положивших отрицательные бюллетени» [25, с. 289]. Остается лишь гадать, были ли направлены слова о «проникновении» против кого-то конкретного из тех, кто был отсеян на первом туре, или же речь шла о ситуации с выборами в АН СССР в целом.

По результатам первого тура осталось три кандидата по истории СССР: член-корреспондент АН СССР и известный археолог А. В. Арциховский, продолжавший работать директором Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафуров и Л. В. Черепнин. Арциховский не преодолел второй тур, состоявшийся 29 июня, набрав три голоса. Лидирующую позицию в этот раз занял Гафуров с шестью голосами, Черепнин же получил только пять [5, л. 4]. И. И. Минц, согласно его дневнику, видя подобный расклад, призывал академиков в третьем туре голосовать за обоих кандидатов, но в итоге 30 июня десять голосов академиков разделились поровну, и вакансия была не занята [23, с. 186–187].

В связи с такой ситуацией Е. Н. Городецкий в письме к Нечкиной от 12 июля 1966 г. заявил: «Очень меня огорчает очередная неудача с выборами Л. В. Черепнина. Как это несправедливо и бессмысленно. Просто непостижимо – неужели 10 человек не могут договориться. Представляю, сколько сил душевных и физических стоила Вам эта выборная кампания» [22, с. 414]. Кроме того, Н. М. Дружинин 9 января 1967 г. направил обращение к Президенту АН СССР по вопросу об академических выборах. Помимо жалоб на давление партгруппы на результаты голосования, что нарушало Устав Академии, там содержалось предложение «устранить искусственные преграды для выборов членов-корреспондентов в виде возрастного ценза» [16, л. 5–6]. Так как эти вопросы были крайне важны для Черепнина, то ему была отослана письмом копия данного обращения.

Видимо, в это время Л. В. Черепнин принимает решение отказаться от дальнейшего участия в выборах, о чем упомянул без точной даты Л. Н. Пушкарев в своих мемуарах. Каждая подобная неудача тяжело переживалась Черепниным, так что, согласно Пушкареву, он, больше стараясь убедить самого себя, пространно высказался о приоритете ученой степени доктора наук над званием академика [27, с. 180].

Тем не менее в 1972 г. Л. В. Черепнин решился вновь баллотироваться. Предположим, что этому поспособствовало противоборство двух важных членов партийной группы Отделения истории АН СССР Е. М. Жукова и Б. А. Рыбакова, имевшее тогда место согласно мемуарам А. А. Зимина [20, с. 174]. Данное противоборство шло вокруг места академика-секретаря, ставшее вакантным после смерти в марте 1972 г. академика В. М. Хвостова, и могло повлиять на единство партийной группы. Уже в первом туре Черепнин был избран в Отделении истории, обойдя ранее побеждавших его при выборах в члены-корреспонденты М. П. Кима и А. М. Самсонова, а затем он был утвержден и на Общем собрании АН [6, л. 12; 23, с. 311]. В связи с этим Н. М. и Е. И. Дружинины в письме от 28 ноября 1972 г. так поздравляли Черепнина: «Теперь уже окончательно поздравляем и крепко Вас обнимаем! Только что состоялся подсчет голосов на общем собрании Академии Наук СССР: Вы избраны большинством 187 гол[осов] при проходном балле 141. После 22 ноября, когда Ваша кандидатура с успехом прошла в Отделении исторических наук, до нас доходили отклики на это событие из разных отделов и секторов: “В Институте – всеобщее ликование, все поздравляют Л. В. Черепнина, поздравляют друг друга...”. “Это не только праздник советской науки, – это победа честных и благородных принципов...”» [16, л. 13].

Академия наук СССР должна была объединять в качестве своих членов наиболее выдающихся ученых страны. Соответственно, в идеальной ситуации ученый, обладающий большим числом достижений, должен был получать на выборах преимущество. Черепнин обладал большим числом научных достижений, возраставших к тому же со временем, но тем не менее предпочтение каждый раз отдавалось не ему, хотя по этому показателю он своим противникам не уступал или даже превосходил.

Поэтому рассмотрим вместе те факторы, которые на протяжении почти полутора десятилетий препятствовали избранию Черепнина в Академию наук СССР, чтобы понять недостающие составляющие успеха при выборах. Первый из них – это политическая актуальность

тематики, важная для партийных органов, которые в свою очередь могли оказать влияние на партийных академиков. С точки зрения политической актуальности Черепнин, занимавшийся феодальным периодом, проигрывал занимавшимся советским периодом.

Второй значимый фактор, сыгравший не в пользу Черепнина, это административные соображения, или так называемые выдвигания по «должностному принципу». Черепнин был «лишь» заведующим сектором академического института и не выглядел как равноценный кандидат по сравнению с директорами институтов или лицами, занимающими должности в руководстве АН.

Третий фактор – это вопрос о личных отношениях с отдельными академиками. Если хорошие взаимоотношения с Нечкиной и Дружининым играли для Черепнина положительную роль, то конфликт с М. Н. Тихомировым – сугубо отрицательную. Возможно, один отрицательный голос не играл бы столь большой роли, но Тихомиров был одним из распространителей слухов о плагиате, якобы совершенном Черепниным в отношении Н. В. Устюгова при издании в 1944 г. «Русской метрологии» [31].

О том, что Тихомиров поддерживал слухи о плагиате, свидетельствует его собственная запись в дневнике [1, с. 416] и уже упомянутая выше поданная им записка во время академических выборов 1964 г. Об этом факте также писал в своих воспоминаниях и Н. И. Павленко: «Академик Михаил Николаевич Тихомиров неизменно выступал против его кандидатуры, напоминая и о плагиате ... В итоге академиком Черепнин стал только в 1972 году, через семь лет после смерти Тихомирова» [24, с. 126]. Однако Тихомиров не был единственным, кто распространял подобные слухи. И. И. Минц зафиксировал в дневнике в 1968 г., т. е. уже после смерти Тихомирова, что Б. А. Рыбаков в связи с выборами в члены Академии наук СССР неоднократно ранее высказывался о плагиате Черепнина, но «не доказал этого» [23, с. 233]. Если Тихомировым, скорее всего, двигала именно личная обида, то Рыбаков, будучи членом партийной группы, использовал в данном случае недоказанные и неформальные обвинения в плагиате, скорее, как удобный повод для отвода довольно сильной кандидатуры. Как писал Зимин: «Во лжи и интриге Рыбаков виртуоз. Примеров тому неисчерпаемое множество... Вот еще: “Моя совесть ученого не позволяет мне голосовать за плагиатора” (о Черепнине на узком выборном заседании академиков). Ведь надо же оболгать Черепнина, и все потому, что он в нем видит возможного конкурента» [20, с. 202–203].

Несмотря на неблагоприятные факторы, данная история закончилась благополучно для Л. В. Черепнина. Помимо собственно научных заслуг последнего этому способствовало то, что «новый порядок» продавливания партийной группой на выборах кандидатов, отобранных не по научным, а по идеологическим или административным критериям, вызывал активное сопротивление со стороны научного сообщества. Активная поддержка кандидатуры Черепнина при голосовании в Отделении истории АН СССР со стороны Дружинина, Нечкиной, Сказкина, т. е. беспартийных членов Отделения, была в том числе обусловлена стремлением представить реальную альтернативу подобным кандидатам. Немалую роль в его избрании сыграл высокий уровень поддержки Черепнина в целом со стороны коллектива Института истории АН СССР, что позволило раз за разом повторно выдвигать его кандидатуру и в конце концов добиться желаемого.

Список литературы

1. Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 784 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. М. : РОССПЭН, 2010. 1279 с.
3. Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Академическая наука и власть на выборах в АН СССР в 1928–1929 гг. // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 380–386.
4. АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 411. Оп. 61. Д. 3.
5. АРАН. Ф. 411. Оп. 61. Д. 5.
6. АРАН. Ф. 411. Оп. 61. Д. 17.
7. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 103.
8. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 104.
9. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 311.
10. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 507.
11. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 414.
12. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 452.

13. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 483.
14. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 521.
15. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 566.
16. АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 355.
17. Белозеров О. П. Участие М. М. Завадовского в выборах в Академию наук СССР: обзор архивных материалов 1938–1946 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 892–905.
18. Дмитриев С. С. Дневники. Т. 1. 1941–1960. СПб. : Алетейя, 2023. 1378 с.
19. Зайончковский П. А., Черепнин Л. В. Рец. на: М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР. С древнейших времен до 1861 года // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 134–141.
20. Зимин А. А. Храм Науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М. : Аквариус, 2015. 440 с.
21. «...И мучилась и работала невероятно» : дневники М. В. Нечкиной. М. : РГГУ, 2013. 822 с.
22. «История в человеке» – академик М. В. Нечкина. М. : Новый хронограф, 2011. 1067 с.
23. Минц И. И. «Из памяти выплыли воспоминания...» : дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. М. : Собрание, 2007. 600 с.
24. Павленко Н. И. Воспоминания историка. М. : Памятники исторической мысли, 2016. 160 с.
25. Переписка Н. М. и Е. И. Дружинины с историками, литературоведами, писателями / сост. В. Г. Бухерт. М. : Памятники исторической мысли, 2018. 465 с.
26. Птушенко В. В. Непокорная Академия наук на выборах 1966 года // Социология науки и технологий. 2023. № 4. С. 30–48.
27. Пушкарев Л. Н. Воспоминания о Л. В. Черепнине // Отечественная история. 2001. № 1. С. 175–183.
28. Тихонов В. В. Впервые после Сталина: историки и выборы в академию наук СССР в 1953 году // Вестн. Перм. ун-та. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 108–113.
29. Устав Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик: 1959 г. // Уставы Академии наук СССР. М. : Наука, 1975. С. 150–164.
30. Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
31. Черепнин Л. В. Русская метрология. М. : Трансжелдориздат НКПС, 1944. 94 с.

The thorny path to becoming an academician by L. V. Cherepnin

Gilevich Nikita Dmitrievich

researcher, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Ural Federal University.
ORCID: 0009-0005-4716-9553. ResearcherID: ACN-4066-2022. E-mail: gilevich.nikita@urfu.ru

Abstract. The article examines the problems of elections to the USSR Academy of Sciences from the anthropological side, that is, from the point of view of the influence of all significant factors on the process of election or non-election for one particular candidate. L. V. Cherepnin became an academician in 1972, having previously survived five unsuccessful attempts to be elected from 1958 to 1966. A review of the history of these ballots will allow us to consider over a fairly wide period of time what factors influenced the election process. This study is particularly relevant in connection with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, as it additionally reveals the issue of replenishing its membership with new members. Preference was also given to considering the figure of L. V. Cherepnin due to the good availability of sources, both clerical, created during the election process in the structure of the USSR Academy of Sciences, and personal origin, reflecting the informal side of the election. These sources allow us to conclude that the positive outcome of the election, in addition to the amount of scientific merit, was influenced by the degree of support for the candidate in the governing organization, membership in a particular scientific community and their opposition to each other, and personal relationships between scientists. It is particularly worth noting the opposition of the scientific community to the order, when the nomination was based on the ideological and political relevance of the candidate's research or for administrative reasons, and as an alternative, Cherepnin, who has many scientific works, was put forward.

Keywords: L. V. Cherepnin; Soviet historical science, Academy of Sciences of the USSR, academic elections.

References

1. *Akademik M. N. Tikhomirov: Vospominaniia. Dnevnik. Peregipiska s uchenikami* [Academician M. N. Tikhomirov: Memoirs. The diaries. Correspondence with students]. М.; SPb. : Nestor-Istoriya, 2022. 784 p.
2. *Akademiia nauk v resheniiax Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party(b)–VKP(b)–CPSU]. 1922–1991. Vol. 2. 1952–1958. М., ROSSPEN, 2010. 1279 p.
3. *Anan'ev V. G., Bukharin M. D. Akademicheskaiia nauka i vlast' na vyborakh v AN SSSR v 1928–1929 gg.* [Academic science and power in the elections to the USSR Academy of Sciences in 1928–1929] // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* – Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. No. 4. Pp. 380–386.

4. ARAS (Archive of Russian Academy of Sciences). F. 411. Inv. 61. F. 3.
5. ARAS. F. 411. Inv. 61. F. 5.
6. ARAS. F. 411. Inv. 61. F. 17.
7. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 103.
8. ARAS. F. 457. Inv. 1. F.104.
9. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 311.
10. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 507.
11. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 414.
12. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 452.
13. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 483.
14. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 521.
15. ARAS. F. 1577. S. 2. F. 566.
16. ARAS. F. 1791. S. 1. F. 355.
17. Belozеров О. П. *Uchastie M. M. Zavadovskogo v vyborah v Akademiiu nauk SSSR: obzor arkhivnykh materialov 1938–1946 gg.* [M. M. Zavadovsky's participation in the elections to the USSR Academy of Sciences: a review of archival materials from 1938–1946] // *Vestnik arkhivista – Herald of an archivist.* 2023. No. 3. Pp. 892–905.
18. Dmitriev S. S. *Dnevnik. Vol. 1. 1941–1960* [Diaries. Vol. 1. 1941–1960]. SPb., Aleteya, 2023. 1378 p.
19. Zaionchkovskii P. A., Cherepnin L. V. *Rets. na: M. N. Tikhomirov i S. S. Dmitriev. Istoriia SSSR. S drevneishikh vremen do 1861 goda* [Rev. of: M. N. Tikhomirov and S. S. Dmitriev. The history of the USSR. From ancient times to 1861] // *Voprosy istorii – Questions of history.* 1949. No. 2. Pp. 134–141.
20. Zimin A. A. *Khram Nauki* [Temple of Science] // *Khoroshkevich. A. L. (Comp.) Sud'by tvorcheskogo nasledia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka* [The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the 20th century]. M., Aquarius, 2015. 440 p.
21. "...I muchilas' i rabotala neveroiatno" dnevniki M. V. Nechkinoi ["... And suffered and worked incredibly" diaries of M. V. Nechkina]. M., RSHU, 2013. 822 p.
22. "Istoriia v cheloveke" – akademik M. V. Nechkina ["History in man" – academician M. V. Nechkina]. M., Novy chronograf, 2011. 1067 p.
23. Mints I. I. "Iz pamiati vyplyli vospominaniia...": *Dnevnikovye zapisi, putevye zametki, memuary akademika AN SSSR I. I. Mints* ["Memories came out of memory...": Diary entries, travel notes, memoirs of academician of the USSR Academy of Sciences I. I. Mints]. M., Sobranie, 2007. 600 p.
24. Pavlenko N. I. *Vospominaniia istorika* [Memoirs of a historian]. M., Monuments of Historical Thought, 2016. 160 p.
25. *Perepiska N. M. i E. I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisateliami* [Correspondence of N. M. and E. I. Druzhinin with historians, literary critics, and writers] / Bukhert V. G. (Comp.). M., Monuments of Historical Thought, 2018. 465 p.
26. Ptushenko V. V. *Nepokornaia Akademiia nauk na vyborah 1966 goda* [The rebellious Academy of Sciences in the 1966 elections] // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology.* 2023. No. 4. Pp. 30–48.
27. Pushkarev L. N. *Vospominaniia o L. V. Cherepnine* [Memoirs of L. V. Cherepnin] // *Otechestvennaia istoriia – National History.* 2001. No 1. Pp. 175–183.
28. Tikhonov V. V. *Vpervye posle Stalina: istoriki i vybory v akademiiu nauk SSSR v 1953 godu* [For the first time after Stalin: historians and elections to the USSR Academy of Sciences in 1953] // *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriia – Herald of Perm University. Ser. History.* 2016. No. 2 (33). Pp. 108–113.
29. *Ustav Akademii Nauk Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: 1959 g.* [Charter of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics: 1959] // *Ustavy Akademii nauk SSSR – Charters of the Academy of Sciences of the USSR.* M., Nauka (Science), 1975. Pp. 150–164.
30. Cherepnin L. V. *Moia zhizn'. Vospominaniia. Kommentarii. Prilozheniia. T. 1* [My life. Memories. Comments. Appendices. Vol. 1]. M., Yaziki slavyanskoi kulturi, 2015. 400 p.
31. Cherepnin L. V. *Russkaia metrologiia* [Russian metrology]. M., Transzheldorizdat NKPS, 1944. 94 p.

Поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 13.02.2025